

18+

Константин Анатольевич
Кантор

СКИТАЛЬЦЫ

Константин Кантор

Скитальцы

«Издательские решения»

Кантор К. А.

Скитальцы / К. А. Кантор — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-557737-5

Без дороги редко обходится история приключений. Ведь только проделав длинный путь, можно получить в конце его нечто: дар, или магический артефакт. Любая дорога — что-то вроде квеста. В книге собраны истории из походной дороги туристической группы под названием «Скитальцы». Это сборник рассказов про дорогу, длиною в юность.

ISBN 978-5-00-557737-5

© Кантор К. А.
© Издательские решения

Содержание

Подмосковная тишина	6
Что было дальше	9
Зимние забавы	14
Автор: Дмитрий Кузьмин "Кузьмич"	14
Песня про скитальцев	17
Автор: Игорь Шеметов	17
В дорогу	18
Осеннее купание Сергейчика	21
Два целлофановых пакета	23
Автор: Наталья Михеенкова (Ерплева)	23
Тарутино	25
Автор: Ольга Добрева (Герасимова)	25
Первый уход в поход	27
Автор: Александр Козаренко	27
Путём Юнгера	29
Ритуалы	30
Не позорь мои седины	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Скитальцы

Константин Анатольевич Кантор

© Константин Анатольевич Кантор, 2021

ISBN 978-5-0055-7737-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Подмосковная тишина

Помни, – жизнь одно мгновение!

Н. Я. Суханова (Мих)

Как-то раз, в промозглый ноябрьский четверг 1996 года, мы отчалили из нашего учебного заведения в лес. Ходовое снаряжение у меня осталась дома, и это огорчало.

Наш тренер, – Наталья Яковлевна поставила нам задачу на поход, – пройти около 90 км за три дня.

Рюкзак, спальник и «клмн» (Кружка, Ложка, Миска, Нож), у меня всегда были с собой и лежали в походно-складском помещении. А вот одежда на мне была для экзамена – брюки, пиджак и куртка из кожзама (причём не моя, а одолженная на время у друга). Пришлось занырнуть на склад и переоблечься в песчанку, армейскую рубашу и погрызенный мышами офицерский плащ. На голову я напялил летнее кепи и опустил на нём «уши».

В электричке мы катились с комфортом, так как связывали проволокой входные двери, и наваливали рюкзаки на двери в тамбуре. Таким образом ни пассажиры, ни контролёры не могли проникнуть в наше тамбурное «купе». Ноздря извлёк гитару. Это была отвратительнейшая «шаховская», которая вечно расстраивалась, (так как какой-то вурдалак-инженер придумал ставить на эти гитары устройство регулировки подъёма грифа). В дырке на грифе находился регулировочный болт, который надо было вращать специальным ключом или пассатижами. Закончив настройку гитары мы грянули песню, сочинённую Игорем Шеметовым, (поэтом, из Натальиных выпускников). Слова были незамысловатые:

Наверно помнишь, как недавно гуляли мы с тобой

Ты мини-юбку одевала.

Гуляли тёмными ночами под яркою луной

Ты меня к губам прижала.

А твоя мама всё кричала: «Вам пора домой!»

А ты как прежде язык ей показала.

И мы с тобою побежали на берег крутой

Чтобы не слышать, как мама нас ругала.

Лишь только слышали вдогонку:

Эх, хулиганьё!

А дальше гром гремел, – вот так ругала мама!

Вид у нашего коллектива был тот ещё: Сергейчик ходил в моём красном капроновом комбинезоне, (мне отдали его, когда закрыли нашу лыжную секцию), а поверх комбеза у него было драповое пальто. Надюха-Марина и в училище и в поход одевала балахон с Цоем, чёрные джинсы и модный китайский пухарь. Кабан ходил в армейском х/б, спортивной шапке, разгрузке и бушлате. Ноздря – в морских клешёных штанах, тельнике и брезентухе. Петрен – в клетчатой рубаше, вязанной шапочке и армейском х/б. «Гуляй-поле», – не более того и не менее того.

От ночной пустой платформы, где не горел ни один фонарь, мы отчалили в сторону леса, выпив «на ход ноги».

Вёл нас выпускник техникума Серёга с позывным «Кабан». Он деловито светил себе налобным самодельным карбидным фонарём, когда сверялся с картой. Карбидный фонарь с отражателем я видел до этого только у спелеологов в пещере Съяны. На голове у человека с помощью широкой резинки был закреплён шланг. Из баллона на поясе, где две субстанции (вода и карбид), соединялись воедино поступал по этому шлангу ацетилен, и на лбу горел беспокойный огонёк пламени. И этот неровный отсвет усиливался отражателем из жести. Поистине, это напоминало алхимическое делание.

У самого леса, в импровизированной беседке, тусовались какие-то тёмные личности. Разговор они вели исключительно матом, и от всей этой беседки веяло, как мне показалось животной агрессией. Будучи людьми вежливыми, мы с Ноздрей проходя, поприветствовали их. В ответ мы услышали пьяный голос :

– Э, зелёные! А ну, упор лёжа приняли!

Сергейчик зорал «Рубимся» и швырнул в беседку пустым пузырьём из-под портвейна «три топора». Рома вообще был резким малым. Клейкая ночная тишина разбилась звоном разлетающихся осколков. Нехотя, Кабан развернулся на месте и достал нож, замотанный синей изолентой. Нож всегда висел у него на шее, когда мы шли по лесу. Кабан зарычал попёр в сторону беседки. От страха я оцепенел, но двигался за Петреном, который тоже что-то шёл и орал. Я даже орать не мог – горло сдавило спазмом от страха. Ноздря скинул свой рюкзак, вырвал с боковых строп сапёрную лопатку и заорал «Сальмонеллаааа!!!»

Драка не состоялась, – тёмные личности, спотыкаясь, рысью свалили из-под навеса.

Кабан обыскал всё под тентом, нашёл пустую бутылку и вручил её мне на всякий случай. Положить её мне было некуда и я тащил её в руках, потом выронил и поднимать не стал.

Всё, отцы, валим в лес! – сказал Кабан, и мы ускорились.

Теперь всякий шорох с периферии я воспринимал как следы погони. Ноздря тащился сзади с лопаткой в руке. Он ещё в шараге пришурупил к ручке своей МСЛ-ки петлю, и таким образом сделал себе темляк. Где-то часа два интенсивного марша, никакой дождь и грязь под ногами не чувствовались, и было постоянно жарко. Песен, ясен пень, не орали. Чавкали по грязи долго. Причём идти наощупь было куда приятнее, чем в свете фонаря. Когда надо было перепрыгивать через очередную глубокую канаву, Кабан встал сбоку, чтобы осветить прыгунам. В тусклом свете его карбидки выхвачена была из темноты дикая тёмная грязь. Мок-рые чёрные ветки щупальцами тянулись к нашей маленькой группе. Наощупь шлось гораздо веселее.

Слава Богу, что с нами не пошли однокурснички, которые все слились накануне. Началось бы хныканье, «беее-меее, я дальше идти не могу...» Даже песни орать не хотелось. Говорить о такой вежливости, как пригнуть ветку, чтобы она не ударила идущего сзади, не приходилось. Интервал был по два-три метра, поэтому сырые ветки отгибались скользящими по грязи людьми и, свистнув в дождевой пелене распрямлялись, никого не задевая. Вдруг Кабан встал как истукан. В него воткнулся Сергейчик и заорал: – «Остановка!!!»

Что было дальше

Итак, Рома Сергеев заорал: «Остановка!»

На остановке мы сгрудились к Кабану, предвкушая выпивку. Осветили пространство Ромкиным фонарём. Лес перед нами редел, заканчивался обрывом, и продолжался за рекой. Петрен пошёл пощупать спуск, но кубарем укатился вниз. Взявшись друг за друга, спускались мы по грязи, присыпанной снегом. Охочих разуваться и ломиться без портков на противоположный берег реки, (кроме Ноздри), не было. Вырубили себе палки, типа посохов, выжрали портвешка «за переправу», и полезли в воду. Моя коряга при первом тычке в илистое дно сломалась, и я шёл, опираясь на Ноздю. Тот не выпускал из руки свою «сапёрку».

Мне вдруг показалось, что на противоположном берегу реки сидят ханыги, которых мы прогнали и поджидают нас. Оказалось, что это просто деревья. Вообще, говоря «по чесноку», никакого желания рубиться с местными не было, однако была традиция и вот какая. Нельзя проходить мимо, когда тебе говорят плохие слова. Надо реагировать. Наши выпускники, – буйволы типа Пиныча с Коляном любили мордобой, но и могли договориться с противником. Что касалось до нашего курса, – мы приучились орать громко, швырять бутылки и прыгать в сторону противника.

Пока нам везло: – Бог любит смелых.

Кабаныч шёл уверенным шагом. Грязь со снегом под ногами чавкала. Когда мы шли по проторенной техникой колее, задача была: не соскользнуть в многочисленные лужи. Разговаривать было невозможно, так как не слышно было идущего впереди. Ноздря, идущий в хвосте, затянул наш походный пэан «Мамонты».

*...Белье и серые, словно валуны
Серые и белые дикие слоны.
Сквозь тайгу дремучую тут и там и тут...*

И наша банда что есть мочи подхватывала:

МААААМОНТЫ, МАМОНТЫ ПО ТАЙГЕ ИДУТ!!!!

И не чувствовалось ни мокрого дождя, ни промокших ботинок. Только устремлённая к неизвестной точке в лесу группа. Кабан делал пару двухминутных остановок для выпивки «на ход ноги», и шагал дальше. Теперь мы опять углубились в лес и грязь сменилась снегом, в который мы проваливались. Поэтому тропили по очереди. Протопаёт один, устанет, отвалится набок, пропустит группу и встанет в хвост.

Потом следовал процесс обрубания сучков и веток руками и топором, распилки ствола на чурбаки и транспортировки брёвен к месту, где уже теплился огонёк. Несущий к костру бревно на заливке обычно говорил полену: «Буратино, сынок!»

Вообще, если попадалось голое бревно с длинным сучком, его обряжали в головной убор, ножом вырезали на нём глазки и улыбающуюся пасть, и усаживали рядом с собой.

Самый сладкий запах в лесу – запах костра. Костёр – это тепло, свет и пища.

Любимым развлечением Ноздри, помимо песен и организации бивака было: вытопить жир из пустой банки с тушёнкой и украдкой плеснуть его в костёр (следовал кратковременный форсаж пламени, вверх поднимался сноп искр и все от орали).

Вторым номером было: нагреть пустую пластиковую, закрытую пробкой бутылку до момента затвердения, а потом тихо метнуть её в пламя. Происходил взрыв с мощным хлопком.

Когда постепенно огонь вошёл в свои права, пожирая сначала тонкие ветки, потом более толстые, потом чурбаки с верхушки, мы сложили нодью. Нодья – это составленные особым образом три толстенных бревна, между которыми имеются промежутки для доступа кислорода. Такое сооружение будет гореть в любую погоду всю ночь. Утром, достаточно просто оживить угли, помахав «фальшпопником», и сдвинуть куски прогоревших брёвен в пламя. Не помню, чтобы мне было холодно на маршруте. На марше было жарко, у костра приходилось крутиться как на виртуальном вертеле. Один бок прожаривался, второй студился. Ноздря вручил свой фотоаппарат Ромычу и полез на дерево, я встал вплотную к дереву и началось постановочное действо: Дима Ноздря делал вид что падает. Я делал вид что его ловлю. Когда постановочное фото было снято, Дима и вправду свалился на меня.

За это время палатки наши уже теснились рядышком – вход ко входу. Под палатки бросали лапник, сверху их накрывали целлофаном. Над костром на приличной высоте натягивали тент. Каны мы вывешивали на тросики над костром с помощью крючков. Поднимая или опускавая кан над пламенем, можно было регулировать интенсивность кипения. Самая главная забота при готовке – мешание макарон, чтобы не подгорали.

И вот, когда еда была готова и разложена по мискам, когда чай был заварен, а раскладывающиеся стопки наполнены разбавленным спиртом, наступало время беседы и песен. Перед чаепитием у нас был ритуал «пугания чая»: для того, чтобы чай правильно заварился его требовалось «напугать», – сгрудиться над каном с чаем и громко заорать хором.

Над интенсивно горящим костром крутились искры. Жар был такой, что грязь вокруг костра просохла и все мокрые вещи высохли моментально. Сушили специально только ботинки, надевая их на вбитые в землю кольшики, на почтительном расстоянии от костра. И всё равно у Кабана немного растеклась от жара пенополиуретановая подошва на «облегчёнках».

На брёвнах были постелены пенки, на пенках в разных положениях сидел, полусидел или полулежал коллектив и беседовал, выпивал, пел, спал, ел. Снег вокруг бивака был вытопан и чернел костровой копотью.

В пятницу ночью в лесу слышались крики, как нам казалось большого стада людей. Мы как раз собрались на ночную ассамблею, втайне надеясь, что на наше стойбище никто не придёт. Когда незнакомые люди, крича как потерпевшие, появились в свете костра, мы расхватили топор, пилу, лопатки и ножи, (у кого что было), и повскакивали с мест. Незнакомых стояло три с половиной человека: утомлённые лица, какие-то нелепые замызганные грязью свитера с узорами, джинсы, спортивные сумки. Так ходить в ноябре в лесу – было совершеннейшей дичью. Оказалось, это были ребята с первого курса одной из шараг. За то, что они смогли выбрать по карте правильное направление и не побоялись подойти к незнакомому костру, мы приняли их в семью, накормили, обогрели и напоили. Двое неплохо играли на гитаре и пели очень дикие, но красивые песни.

Тренер привалила с одним из первокурсников часа в четыре утра, притащила еды со «столов олимпиа» – в техникуме преподаватель физики праздновал юбилей. Первокурсник смотрел на нас удивлёнными глазами, но через день полностью освоил нехитрые премудрости туристического быта.

Больше на соревнования турсекций к нам никто не пришёл.

В воскресенье мы вернулись в город поздно. Ботинки, штаны ниже колен и куртки вымокли почти у всех. Основные участники «регаты» поехали до конечной – вокзала. Мы же вышли на платформе электричек недалеко от дома, где жила Надя по прозвищу «Марина». Маринка пригласила нас всех к себе в гости. Метро уже закрылось, так что полтора километра мы протопали пешком. На улицах было беспокойно, слышались сирены милицейских машин, какие-то личности провожали нас четверых взглядами. Во дворах грохотала музыка. Но всё это тонуло под густой пеленой снега с дождём. И мы плыли финальную стометровку по этому дождю со снегом, и на мгновение нам стало казаться, что мы всё ещё идём по лесу. В магазин решили не заходить, потому что не хватило бы сил уйти из тепла в холод улиц. В квартиру мы вломились на пределе моральных и физических сил и с довольным кряхтением стали разу-

ваться. Кто-то совал руки в гармошку батареи, пытаясь отогреть пальцы. Пальцы оттаивали, по щеке у счастливица стекала слеза. Через пятнадцать минут сидения на полу, созрела идея сходить в магазин и купить вина, чтобы сварить глинтвейн. Как его варить никто не знал. Мы разбавляли вино тёплой водой и называли это «глин». Посчитали наличность: оказалось, что мы можем себе позволить четыре бутылки. Самое сложное было надеть свои мокрые башмаки и завязать влажные шнурки, напялить мокрые анораки. Благо, что шли в магаз налегке, взяв один пустой рюкзак. Рома Сергейчик сказал, что с рюкзаком идти гораздо теплее. Путь наш петлял по мрачным дворам, и мы как-то неожиданно согрелись. Да магазина дошли без проблем, вина купили тоже без проблем.

На обратном пути мы решили срезать дорогу через детскую площадку. На площадке стояла под углом 15 градусов деревянная фигурка медведя размером с ребёнка лет пяти. Мы решили вчетвером компенсировать его наклон, но к сожалению, мишка выдернулся из своего гнезда и упал к нашим ногам. И тут Надя – Марина сказала: «Заберём его домой. Должно быть ему холодно».

И мы потащили деревянного медведя к подъезду. Проезжавший мимо наряд проводил нас глазами, а Петрен сказал им: «Доброй вам ночи! Помогать не надо, мы справимся!» Лифта в доме не было, но и мишка был не тяжёлый. Пару раз, правда, мы уронили его, но шум был по тем временам неагрессивный, так что никто не вышел. Разместили деревянного гостя в большой комнате. Не помню у кого мелькнула идея с ним выпить. Поставили деревянного Топтыжку во главу стола.

В ванной у Марины царил устроенный нами хаос: я стирал носки, в этой же воде Роман мыл ноги, а Петрен в это время принимал там же душ. Откупорили вино, протолкнув пробку карандашом вовнутрь, – открывалки у нас не было.

И самым уютным и приятным в моей юности было это застолье с медведем во главе стола, вином, смешанным с кипятком и макаронами с тушёнкой в качестве закуски. За окном сонного города валил снег с дождём. А у блудных детей, потерявшихся в круговороте эпохи перемен было застолье и медведь.

Зимние забавы

Автор: Дмитрий Кузьмин "Кузьмич"

Подготовку к первому зимнему походу я начал со всей серьёзностью. За неделю до времени «ч» я, пораскинув мозгами, что зимой в лесу без лыж делать нечего, откопал на своём балконе лыжи, набил походный рюкзак барахлом, (с того- же балкона), и отправился в парк пугать ничего не подозревающее народонаселение.

И каково было мое разочарование, когда, придя в клубный день в техникум, я узнал, что зимой лыжи в походе не очень- то и нужны. Нужно, как сказал Кабан, брать больше еды и водки по зимней норме.

Как оказалось, что мы не просто будем сидеть все выходные на одном месте, а даже пройдем по какому-то маршруту и пить будем исключительно на ход ноги и «для сугреву».

Выехали мы как всегда в пятницу ближе к ночи, всю дорогу в электричке пели песни и промывали «верхнее ля», потом немного отошли от станции, выпили ещё. Потом мы ставили палатку и промывали «верхнее ля», потом ещё...

В общем, – первую ночёвку я помню плохо.

Зато на следующее утро, проснувшись в силу физиологических надобностей и оставив попытки влезть в промёрзшие за ночь берцы, я вылез из палатки и был поражен чистой белизной неистоптанного елового леса, игрой солнца на заснеженных лапах елей и никем не нарушаемой пушистой тишиной.

Сделав своё грязное дело, я принялся разгрести снег для костровища, ломать ветки и разжигать костер.

Через некоторое время на запах дыма и позвякивание ложки о стенки кана из палатки начали вылезать участники нашего похода.

Первый из палатки показалась пятая точка нашего дорогого товарища по походам Серёги, за добрый нрав, внушительные размеры, и наличие в зачачках вкусной еды, носящего погоняло «Кабан».

Пробормотав в ответ на моё приветствие своё отношение к доброму утру Кабан с шумом скрылся в кустах. Следом за ним из палатки показался недавно дембельнувшийся Дима Галаган. Он последовал за Серёгой.

Самой последней, в белоснежном анораке и с собранным рюкзаком появилась из палатки наш руководитель Наталья Яковлевна Мих. Сказав всем «доброе утро» она осторожно попробовала мою стряпню и, сплюнув пару варёных иголок и угольков сказала, что есть можно.

Быстро закончив завтрак, собрав палатку и рюкзаки мы поехали на маршрут. Пройдя запланированную часть маршрута, уже в сумерках встали на ночлег. Так как водку «по зимней норме» взял только Кабан, то вечер мы коротали прихлебывая чай с анекдотами и походными байками. Допив третий кан чая, все поползли спать.

Мне, как самому молодому было поручено спать на левом фланге палатки, на правом фланге окопался Серёга и через минуту ещё робко, как-бы разминаясь начал отпугивать от нашей палатки лосей, волков и вообще всё живое своим храпом. Галаган, пробормотав что-то вроде «Рабиндранат Тагор» включил свой радиоприемник, который он таскал с собой по дембельской привычке. Он поймал волну какого-то музыкального радио и очень скоро начал помогать Кабану устрашать лесную живность.

А мне не спалось. В голове смешались впечатления от ходового дня, дружный храп моих компаньонов, мокрые ноги, нос, периодически примерзающий к стенке палатки и идущий по радио концерт модернов-токингов, но постепенно все звуки ушли на второй план и осталась только музыка, музыка в тихом заснеженном зимнем лесу.

На следующее утро, дежуря и растапливая в кане снег, я размышлял о многом:

1) Как же хорошо зимой в лесу, когда от огромной толпы, идущей на осенний слёт, побухать и пощупать девок остаются к декабрю один-два человека, по-настоящему любящих эту неприхотливую походную жизнь.

2) с Кабаном, хоть он и миляга, я в одной палатке спать не буду.

3) Когда залазаешь в спальник, то берцы можно в принципе не снимать, к утру всё равно на ногах высохнут.

Песня про скитальцев

Автор: Игорь Шеметов

Если мучает вопрос, —
Нет к нему нигде ответов.
Если друг тебя подвёл
И исчез бесследно где-то.
Если наступил предел
Повседневным ожиданиям.
Если хочешь перемен, —
Поспеши познать скитанья!

Скитальцы идут по свету
Не зная себе запретов.
Где есть крепкий чай, где пьют невзначай,
Где песни поют, где просто орут, —
Скитальцы идут по свету.

Если ты совсем один
И не знаешь, чем заняться.
Перестань сходить с ума
И без повода слоняться.
Всё, что нужно в путь возьми
И в дорогу собирайся.
Есть скитальческая жизнь, —
С ней скорей соединишься!

В дорогу

Майский вечер обдувал прохладным ветерком. Дома еще не успели накалиться, и город еще не дышал раскаленным бетоном как, например, в середине лета.

Мы сидели в училищном двореке кто – то на складных стульях, принесенных из нашей каморки, где базировались все вещи турсекции, кто-то на стульях которые надо было потом разнести по кабинетам, а кто-то ютился на ковриках, прямо на клумбе. Охранники давно уже переложили свою работу на остающихся в училище ребят, которые оставались в будни вахтерить до утра. Наталья Яковлевна Мих, – человек, на котором держался порядок в училище и наш тренер, имевшая обыкновение задерживаться стенах нашей альма-матер и допоздна с турсекцией, волейболом или самодеятельностью, ушла в этот вечер пораньше, ввиду того, что на следующий день мы шли в поход.

К десяти вечера дневная духота спала окончательно, мы закрыли ворота на замок, поставили училище на сигнализацию и, вынеся два примуса на крыльцо, поставили кипятиться воду в канах. В одном забабахали рис с мясом, в другом крепкий чаек. Обсуждали завтрашний поход. Потом вынесли из ПСП (походно-складского помещения) гитару, и принялись петь. Парочка парт, составленных вместе и накрытых тентом – серебрянкой служили нам столом, на котором стояли алюминиевые кружки, миски и каны с едой, ложек как всегда не хватало. Поднимаясь на третий этаж, отнести лишние стулья в кабинет, и проходя мимо стендов с нарисованными в кремово-серых тонах самолетами, я поймал себя на мысли, что рано или поздно, с уходом Натальи училище из авиационно – технического превратится в обычное, где уже не будет кабинетов с наглядными пособиями, еще советских времен, холла с огромными фото-

графиями самолетов, нашей походной каморки, кабинета МихНЯ с ледорубом на стене, уже ставшего для нас, учеников и бывших учеников, таким родным. И уже не к кому будет, проходя мимо училища, заглянуть на огонек, на чай с печеньем...

Ночевали мы прямо в душном ПСП, между стеллажей с байдарками, рюкзаками, пенками, шкурами и т. д., укрывшись спальниками, окно на всякий случай, во избежание палева со стороны директора Леонида Сергеевича, прикрыли, оставив открытой настежь только форточку.

Вот и наступила пятница.

Утром поднялись в полдевятого, передали вахту охраннику, отрапортовались об отсутствии происшествий на вверенном участке, и пошли умываться. Наталья уже, ни свет, ни заря, была на рабочем месте, разговаривала с кем – то по телефону, увидев наш коллектив, кивнула. Перед построением на занятия, я намекнул старосте, чтобы меня поставили дежурным по раздевалке. Учиться в день выхода в поход совсем не хотелось, но старый отрицательно мотнул головой. Сбегая после спецтехнологий вниз, в столовку, я к своему огорчению узрел дежурными по раздевалке пару из группы операторов. Пара увлеченно забивала козла карманными костяшками на чешской книжке «Три дуба», (про летчиков). По столовой дежурить, ребят из нашей группы, отказывающей подчиняться всем кроме мастера и Натальи, почему-то не посылали. На обед все собрались во дворе шараги и травили анекдоты. Погода вроде обещала быть без дождя. Ближе к обеду в училище нарисовался с рюкзаком и гитарой Ноздря, закончивший у себя в технаре занятия раньше. Старики подтянулись к окончанию занятий. Мне не терпелось похвастать однокашникам знакомством с большими, солидными дядьями – выпускниками. Последняя пара прошла у меня в «командирском гальюне», где мы с еще одним товарищем давали гитарный концерт группе секретарш, прогуливавших свою пару. Девчата

напрашивались в поход. С важным видом пообещали обсудить данное предложение «на высшем уровне», и по звонку побежали на первый этаж.

В ПСП уже кипела вся работа. Старики переодевались, не прикрыв дверь, собрав огромную аудиторию девчонок, у которых учебный день уже завершился. Чертежники возились с примусом, но увидев меня, торжественно передали «Смерть Туриста» мне, наказав чистить иглу до посинения. Я разложил запчасти примуса на газете, велел соседям приглядывать, чтоб не разбросали, побежал собирать рюкзак. Сложил пенку вчетверо, запихнул в рюкзак, туда же полетел спальник и бушлат. Потом я наведалься в каморку, взял две пачки макарон, послал кого-то за тушенкой, положил макароны в каны, запихнул их в рюкзак, и на этом завершил сборы. Полномочия старшего и ведущего делегировали Юре Баюрову, («Длинному»).

По весне мне особенно нравилось в спортзале. Время там как будто застыло в начале восьмидесятых. Изредка, залетавший в зал ветерок шевелил висевшие по стенам пожухлые спортивные вырезки и фотографии прошлых лет, а также старые, пропылившиеся наградные вымпелы которые никто никогда не снимал и не менял. Через стоявшую в зале во время занятий пыль просвечивали тоненькие лучики солнца.

Я улегся на маты напротив окна в спортзале, так чтобы не слепило яркое солнце, и стал смотреть на игру волейболистов.

На горизонте появилась усатый физрук Михал Юрич.

В поход? – спросил он.

Угу! – ответил я. До понедельника.

Он посмотрел на меня с плохо скрываемой завистью – «Везет же!»

Вернувшись к примусу, я собрал его, упаковал и вышел с рюкзаком на крыльцо. Вся походная банда, облепив, как воробьи парашют у входа в училище, галдела и визжала, кто во что горазд, плясала, орала на песни под гитару и пила пиво. Ждали Наталью. Я вклинился в ряды веселящихся, кинул рюкзак в сидящих на парашете, отобрал гитару, получил подзатыльник, и, дернув струны, запел песню балансируя на одной ноге, второй придерживая гитарную деку. Из ворот показалась Наталья Яковлевна с белым анатомическим рюкзаком, на оттяжке которого висела чёрная траурная лента (память о трагически ушедшем выпускнике, – Н. Павлове).

Мы повскакивали с мест, надевая рюкзаки и пряча пиво. Я еле успел зачехлить инструмент. Мы постояли минутку, пересчитались и тронулись к метро. В метро первых четверых ворвавшихся на станцию, пытался было остановить наряд, но увидев остальную часть группы, ретировался на безопасное расстояние. В поезде устроили пение с плясками, и проехав метро «Сокол», уже шлялись со шляпой по вагону. Набрали пять рублей. На «Белке», встретились у пригородных касс с недостающей частью коллектива, и в полном составе, дождавшись паровоза, забили целиком тамбур, связав проволокой входные двери и забаррикадировав двери между вагонами. Меж тем поезд тронулся, и мы тихо запели «Ночную дорогу» Визбора. За окном проносились, бликуя на солнце дома, люди, платформы, лес, и мне так хотелось, чтобы это предвкушение похода никогда не кончалось, и всегда было пятнадцать лет и весна.

Осеннее купание Сергейчика

Как обычно, на выходные дни наша училищная команда поскакала в лес. Был рыхлый снег, без осадков. Стартовали в районе Ступино и ломались, как обычно, до упора. Обычно дневная маршевая норма была: пятница вечер – 10км, суббота – 20км + привал и обед +20, воскресенье, – с утра и до ближайшей к нам платформы (около 30 км).

Низкое солнце освещало поле и дорогу, по которой мы шли. На пути нам попался свадебный кортеж и старшие товарищи, не снимая поклажи моментально выстроились в цепь и перегородили дорогу. Перед цепью Наталья и девчонки пустились танцевать танго. Поскольку везде, где работал наш тренер была культура танцевальных вечеров и танго, то получалось весьма празднично. Кортеж остановился и нам стали аплодировать. После громогласных криков «Горько!», нам выставили ящик шампанского и какой-то еды.

Надо сказать, что и мы стриженные налысо, в училищных спецовках, что старшаки в своих армейских хэбэ, смотрелись либо как дезертиры, либо как стройотряд и нас всегда норовили либо накормить, либо сдать ближайшему патрулю.

Вылакав пять бутылок шампанского, мы распределили оставшееся по рюкзакам и продолжили марш.

К вечеру надо было перейти реку Пахру. Примерно метров пятьсот мы шли вниз по течению, по кустам вдоль берега и обнаружили более-менее узкое место.

Ноздря бодро разулся, снял портки и перебрался на противоположный берег с концом верёвки-восьмёрки. За полчаса натянули две верёвки и ещё полчаса с помощью «полиспа-ста» натягивали нижнюю, что тянулась на высоте полметра от земли между двумя деревьями. По нижней следовало идти копытами, держась за верхнюю.

Первым на противоположный берег перешёл Петрен, потом Румяный, потом Маринка, потом Кабаныч. Перейдя на противоположный берег, Кабан достал флягу со спиртом и начислил всем перешедшим по капле «за переброс». Передо мной семеня Сергейчик в моём комбезе, чёрном драповом пальто и с брезентовым рюкзаком марки «колобок», в клапане которого горизонтально торчала синяя пенка. Сзади он напоминал чебурашку.

Девчонки, – Наташа Михеенкова, Микуля, Людка и Лена Косоручкина, танцевали и орали хором: «Хотим шооооу!»

И шоу было.

Примерно на середине нашей переправы Сергейчик ухнул в воду и его поволокло течением. Я видел всё происходящее как бы в расфокусе, а резкость была только на Роминых глазах. Они были огромные. Колян Иванов пробежал ниже по течению и выудил бедолагу из реки. На десять минут переправа затихла, – Сергеев переодевался в Коляновские запасные шмотки, а мы на противоположном берегу освежались «северным сиянием» (Шампусик+спиртусик).

За вечер Ромины шмотки у костра высохли.

В воскресенье днём мы наводили переправу через широкую реку. Ноздря опять скинул боты и портки, перебродил реку и натянул верёвку. Дальше работа по натягиванию переправы была уже отточена. 25% группы перешло на противоположный берег. Перешедшие пили спирт, и горланили «Давай шоооу!»

Сергеев с рюкзаком заскользил по верёвкам. Примерно на середине он начал дико хохотать, очевидно вспоминая собственное падение. После чего опять упал в воду.

Толпа по обе стороны реки взревела. Из воды Рома вылез сам, вытерся запасной Ноздрёвской тельняшкой, сухие вещи передел примерно за пару минут. Мы завершили переправу и дотопали до платформы. Про падение в воду даже не вспоминали.

Благословенный возраст, – когда тебе 16 лет и никакая болезнь к тебе не пристаёт.

Два целлофановых пакета

Автор: Наталья Михеенкова (Ерплева)

Был унылый декабрь 1992 года. У нас в учебном заведении Наталья Яковлевна вела мужские группы, – она была старшим мастером. Как-то раз на линейке Наталья объявила, что на зимние каникулы набираются желающие на экскурсию в Питер.

Ну, мы с одной девочкой записались. Конечно поразила воля Натальи Яковлевны, – она умудрялась контролировать группу молодых людей в одиночку. Дело в том, что два или три мастера наотрез отказались от данной поездки. В поездке я познакомилась со своими будущими сопалатниками, – Петреном и Ясинским.

В конце поездки Наталья предложила нам прийти 13 января в лес. Я подумала: «Там же холодно зимой!», и не пошла. Но с Натальей стала общаться часто. Наступила весна. Был май.

На весенней линейке Наталья сделала объявление:

– Желающие пойти на выходные на турслёт «Разгуляй», – записывайтесь!

Мы с подружкой пошли записываться. В кабинете у Натальи сидели Пинкин, Петрен и Ясик.

Я спросила:

– Что надо с собой взять?

Пиныч сказал:

– Ну, это: шапку – ушанку, валенки... Икру, коньяк, опять же.

Я говорю:

– Да у меня вообще, даже рюкзака нету!

А парни и говорят:

– Ну хоть пакет-то целлофановый у тебя имеется?

Я говорю, мол, да, – имеется.

Ну вот, – Петрен говорит, – туда все пожитки и сложишь!

И в свой первый поход попёрлась я с двумя целлофановыми пакетами.

На вокзале Казанском встретились с Натальей. Сели в поезд. Она начала беседовать с новичками, – как себя вести в лесу. Главным правилом было, – никогда не бросать своих.

Шли по лесу долго. Я тащила со своими пакетами и думала, что до места не дойду.

На биваке мне поручили сшивать из двух ватных спальников один. Называлась конструкция из двух спальников, – «групповик». И первая моя ночь в лесу прошла в этом групповике у костра, под целлофановым тентом.

Комаров было много. Лежащие в спальниках чередовались так: парень, девушка, парень. Я сначала испугалась, но Наталья объяснила, что так теплее. И действительно, – так было теплее.

Потом я стала ходить уже с нормальным снаряжением. Ходили и летом, и зимой и осенью. Слёт «Разгуляй» мы полюбили.

Раз были в зимнем походе. Мороз стоял жуткий, – хлеб замерзал и его откалывали топором. На ночёвку залезаем с Петреном в палатку в телогрейках, в ватных штанах. Наталья учила в спальник ложиться без верхней одежды, но холод такой был, что мы про это забыли. Пытаемся влезть в спальники, – не получается. Натальяина дочь, – Сашка, говорит:

– Раздевайтесь, иначе замёрзнете!

Мы с Петреном переглянулись и сняли с себя верхнюю одежду. И – да, – согрелись вполне.

После зимних выходов любой поход казался мне лёгким и необременительным.

С мужем своим, Сергеем, я познакомилась тоже в походе, а свадьбу нашу блестяще организовала и провела Наталья Яковлевна.

Вот так.

Тарутино

Автор: Ольга Добрева (Герасимова)

Было золотое, молодое, беспечное время. Мой первый пеший, поход в Тарутино никогда не сотрется из памяти. Как говорится: «первая любовь, первая учительница». Учитель, – это не обязательно только общеобразовательная школа.

Есть и школа жизни в которой мы встречаем учителей. И самый мой первый преподаватель, давший мне правильный вектор в жизнь, – Мих Наталья Яковлевна, (наш магнетик).

Так вот: Тарутино. Пройти сорок километров за два дня, – это вам не шутки, если ты новичок и тебе семнадцать лет. Вечером в пятницу приехали на станцию, название которой стерлось из памяти. Отошли на пару километров в лес, поставили палатки, поужинали. Я уж точно не помню наше меню, но у Михни (так мы нашего магнетика между собой называли), всегда все было четко и быстро: костёрчик, крупа, тушёнка, и ужин готов. Все под её руководством спорилось быстро и складно. Утром рано объявили подъем. Было холодновато. Завтрак был без разносолов, – каша. «И не питюкай» – как говаривала Наталья. А мне нравилось, когда по простому, я была не привередливой. И вот позавтракав, мы двинули на марш.

Топала я с первым моим рюкзаком под названием «Колобок». Если мне память не изменяет в рюкзаке были только мой спальник и пара вещичек. Самый угар начался тогда, когда я поняла, что придется пилить километров двадцать пять сегодня, чтобы на завтра осталось поменьше, – пятнадцать километров. На каком-то отрезке пути мне казалось, что я несу рюкзак с гирями.

В середине дня раздался крик: «УРА! ПРИВАЛ!»

Мы перекусили бутербродами и потопали дальше. До темна стояла задача найти место для бивака. Мы лезли по какому-то полю с жуткими ямами, а за полем, в лесу нашли подходящую поляну. Разбили лагерь, поужинали. Душевные ребята «старички похода» вместе с Ната-

лей приготовили новичкам посвящение в походники! Вот это была веселуха. Усталость, как рукой сняло.

Новичкам завязывали глаза. Одного новичка, – Виктора, поставили на бревно и делали вид, что поднимают посвящаемого высоко на бревне. В определенный момент резко кричали, – Прыгай!

Испуганный человек прыгал, думая, что пикирует с высоты. Но прыгал он с бревна, которое лежало на земле!

Второй новичок, – Анютка, испытала на себе "просмотр звезд" через трубу в виде свернутой газеты. Получила в лицо стакан воды. Ей было обидно, – мальчишки гоготали до упада. Мне тогда казалось, что надо мной хуже всех посмеялись:

Кто-то из ребят закрыл мне рукой глаза и сказал, что залезет на дерево без сучков, но важно, чтобы я не подсматривала. И я пол-вечера просидела с перемазанным сажей лицом. Все подхихикивали, я не понимала в чем дело и нервничала. Как же все смеялись, когда я поняла подвох...

Все новички получили по значку туриста! Мы были счастливы! Вечер закончился славно. Димка «Ноздря» пел и играл на гитаре свою коронную «Ну кто же мне в палатке на морду наступил...»

Пела и сама Наталья Яковлевна, и весьма красиво. Я ей всегда подпевала. Самая моя любимая песня хором с Натальей была «Белая гвардия», (на два голоса, каноном).

В воскресенье мы прошли пятнадцать километров как-то незаметно. В пункте маршрута, под названием Тарутино, мы успели посетить краеведческий музей и погулять по селу.

К станции шли по железке.

Через пройденные походы с Натальей Яковлевной, мы, её ученики, получили навыки выживания и любовь к природе, а также умение поддерживать друг друга.

Я считаю себя счастливым человеком: Бог дал мне встретить истинного учителя.

Первый уход в поход

Автор: Александр Козаренко

Больше всего мне запомнился мой первый «уход в поход».

Подошёл я к Наталье, – в поход байдарочный свою кандидатуру предлагать. Это дело всё было весной. Тем более, и байдарка у меня была своя, и опыт небольшой имелся.

Ну, вот, – изъявил я своё желание, на что мне было сказано: идём мы в сложный дальний поход, надо вначале на выходные дни в Подмоскowie с группой походить.

Сказал я тогда, что у меня есть байдарка. Наталья и отвечает: «Беру!»

Кого? – спрашиваю, – меня или байдарку?

Ну, посмеялись. И пошёл я весной с Натальей на байдарке участником.

По большей части, я был знаком с походниками, которые учились со мною в параллельных группах. С другими ребятами я познакомился уже в процессе похода.

Я считаю, что туризм, – это хорошая школа. Вообще, конечно, сложно научиться понимать людей со всеми их странностями, (а среди туристов все «особенные», в хорошем смысле этого слова), и у каждого можно чему-то научиться.

Туризм, – это романтика ночёвки в лесу у костра, а иногда и без костра.

Такое бывало в любую погоду, и в холод, и в жару, и в дождь, и в снег. Весной, – грязь. Оттепель зимой, купание на ноябрьские и на майские праздники, независимо от погоды, – это весело и здорово!

В категорийных походах необходимо команде работать слаженно, понимать друг друга с полувзгляда, оставаясь при этом самим собой. Тот, кто не может работать в команде после одного – двух походов уходит их секции.

К сожалению, по мере того как все мы взрослеем, уже сложнее выкроить время на поход.

Быт затягивает. Но спустя более 20 лет так приятно услышать призыв Натальи вывести очередную «зеленую» молодежь в лес, показать на собственном примере, – как ставить платку, разводить костер, ориентироваться, и.т.д.

Это большая честь для нас, – попытаться научить молодых ребят быть командой: когда ты не задумываясь кинешься спасать ближнего зная, что тебя обязательно кто-то страхует.

Путём Юнгера

Эрнст Юнгер пишет о том что уход в лес – есть инициация. Превращение инфантильного человека во взрослого. Мальчика – в мужчину.

У многих авторов процедура ухода в лес описана как некий ритуал, цель которого – возвысить человека, и причислить его к новой касте. Жрецов или воинов, кому как нравится. Вообще все люди, с которыми связывала меня судьба в нашей туристической секте являлись совершенно неординарными, пройдя инициацию, или посвящение. Действительно, переночевав в лесу, пройдя определённый километраж и организовав себе бивак, человек меняется. По слову альпиниста Лебедева, «в походе мужчина превращается в волка». С женщинами гораздо сложнее. Женщина либо выходит замуж, либо превращается в мужчину, что не очень здорово.

По осени в турсекцию записывались все, кому не лень. Девчонки, в поисках парней, парни в поисках тусовок и выпивки. Ну и небольшой процент книжных ребят и романтиков, типа нас с Ноздрей.

Через год, к лету, со всех групп оставалось по три-четыре человека, которые и получали привилегию, – участие в дальнем походе. Дальний поход длился от полумесяца до месяца. Это мог быть водный, горный или пеший поход, по выбору.

Ещё через три года, если ученик не покидал секцию и выполнял все ритуалы, он превращался в сверхчеловека. Мог ходить по лесу неделями в компании друзей, питаясь подножным кормом, и так далее.

К качествам сверхчеловека, правда, добавлялась жуткая инфантильность, так как туристический мир очень мал, а с остальным миром контакты сводились к рабочим или учебным.

Ритуалы

Когда я пришёл в турсекцию техникума у меня был только ватный спальник и ложка с миской.

Через год у меня был свой собственный современный рюкзак, собственный коврик и компактный спальник. Я мог уверенно выдвигаться в лес и ночевать там. Сложнее было осваивать костровую науку, так как на меня в секции навесили таскание походной посуды – «канов» и тросовой подвески к ним. Ориентироваться по компасу и карте нас заставляли каждый ПВД.

Один ходовой день первую половину дня «азимутает» один человек, после привала его сменяет второй, вечером берёт карту и компас третий. Ночное ориентирование доверяли в основном выпускникам.

Учёба у меня не забирала вообще никаких усилий – «домашку» нам не задавали, а зачёты я навострился сдавать без страха.

Ещё я обратил внимание на то, что к ребятам из «секты туристов» и преподаватели и товарищи по учёбе относились подчёркнуто вежливо «хрен его знает, чего они там с завучем мутят». Хотя поблажек по режиму нам тренер не делала. И особенно рьяно следила она за дисциплиной среди подопечных. Да и за мелкие проступки туристам влетало сторицей.

На второй год у нас появилось своё походно-складское помещение, где можно было вольготно развалиться на стеллажах с байдарками и хлебать чай под песни.

Проходив в походы весь годовой цикл (каждые выходные), я присмотрелся к окружающим меня людям. Будучи весьма инфантильными в городе, в лесу это были волки. Текущность кадров в секции была интересная: со всех курсов к концу года оставалось по два-три человека. Остальные либо пугались трудностей, либо проходив немного, углядывали подходящую матримонимальную кандидатуру и разлетались, – что вполне правильно и естественно.

Оставались одни романтики (Кабан и мы с Ноздрёй), ну и старшие лидеры.

С Кабаном мы задружились вот как: когда во время марша вдоль шоссе я стёр ноги, он остановился около меня для оказания помощи, отпустив группу вперёд. Мозоли мы заклеили

его пластырем, после чего Кабан намотал на мои ноги портянки (оказалось весьма удобно, так как носки я стёр до дыр). Потом я хлебнул огненной воды из Кабанской фляги и стёртые ноги сами понесли меня догонять группу. По дороге мы несколько раз останавливались вылакать «на ход ноги». Меня охватил боевой задор, и мы с Кабаном форсированным маршем достигли места ночёвки почти одновременно с группой. В эту ночь я особенно голосисто пел. Спал я у костра.

Не знаю, откуда взялся в секции ритуал посвящения в туристы, однако по своему алгоритму он копировал сомасштабные ритуалы бойскаутов и тайных лож.

Итак ритуал первый:

Девушка Елена говорит, что залезет на дерево, но стесняется, когда на неё смотрят. Я закрываю глаза, а Ноздря, закрывает мне лицо ладонями, как бы чтобы я не подглядывал. Елена никуда не лезет, и остаётся на месте.

Ноздря говорит что она залезла и уже слезла, а рожа моя остаётся вымазана сажей от костра или кана. Это несколько напоминает помазание краской из ритуала бойскаутов.

Ритуал номер два посвящения в туристы: Поднять адепта с завязанными глазами на палках, (потом незаметно его опустить на землю), и дать пинок. Данный момент (завязанные глаза), а также сильное переживание полёта присущи всем традициям тайных обществ.

Далее, был третий ритуал. Назывался он «посмотреть на звёзды», или «слоник» Человеку на голову надевали бушлат и просили посмотреть на звезды, после чего на морду через рукав выливали стакан холодной воды. Это действие тоже напоминало нечто в символике мифа.

Нас научили и прощаться в конце похода: все сооружали из ладоней пирамиду и орали в унисон «ДО-СВИ-ДА-НИ-ЯЯЯ!!!

Люди вокруг нервно вздрагивали, – «как достали эти сектанты!»

Не позорь мои седины

Когда у нас с Ноздрёй составилась дуэт в две гитары, мы окончательно обнаглели, и стали на слётах отлучаться от материнского костра, ходить по незнакомым бивакам и петь там наши религиозные песнопения.

Прекратите шляться по чужим кострам! – предупредила нас Наталья. – Выгоню из секции!

Мы, честно, совершенно не понимали, – какого болта нельзя ходить по гостям?

План добычи внимания и еды с выпивкой у нас с Димой был придуман, но только не хватало третьего поделника. И мы ангажировали на это дело Серёгу Кабана.

Во-первых он был взрослый, во-вторых, он был сильный. Итак, план проникновения на биваки незнакомых команд был следующий: Когда темнело, мы втроём, с расчехлёнными гитарами тихо шли мимо горящих в лесу ароматных костров. Фонарики не зажигали, и в принципе, никому до нас не было дела. Приглядев костёр, где слышался весёлый смех ровесниц и ровесников, мы приступали к первой стадии операции. Взяв настроенные заранее гитары, мы с Кузьмичом громко и уверенно запевали наш маршевый пэан «Мамонты» и неторопливо двигались в направлении выбранного нами костра. Орала мы громко, но без диссонанса. Дойдя до костра, мы дружелюбно здоровались. Кабан следовал чуть сзади и осматривал сидящих на биваке на наличие угрозы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.